

УДК: 008:001.8 (13.09)

БОГАТСТВО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Цветкова Галина Александровна, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук, Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма (г. Москва, РФ).
E-mail: galinatsvet@gmail.com

В статье обосновывается исследование феномена личного материального богатства как культурологической проблемы, необходимость исследования русской культуры с целью выявления семантики личного материального богатства, выявления культурных смыслов богатства в русской традиции. Актуальность связывается с переключением интереса в науке с парадигмеклассово-антагонистического измерения богатства на его интегративную функцию, изучение которой можно рассматривать также как социальный заказ обоснования модернизационных стратегий развития России. Автором выдвигается исследовательская задача обновления плоских, одномерных образов отношений сосуществования бедных и богатых как непримиримой вражды и идея возможности личного богатства как источника общественного изобилия и социального прогресса. Исходные позиции традиционного понимания богатства определяются, с одной стороны, представлениями о богатстве как первичном, сущностном понятии жизни человека, а, с другой стороны, традиционное оппозиционное определение богатства через сопоставление с бедностью, за которыми стоят не столько имущественные показатели, сколько характеристики в целом образа жизни и образа мышления. В контексте поставленной проблемы ставится ряд вопросов: об эволюции представлений о богатстве, сложившихся в русской культуре к XIX веку и претерпевших существенную доминантную трансформацию к XXI веку; о способах и формах репрезентации богатства в разные исторические эпохи при сохранении формального набора для всех эпох, такого как вещи, собственность (дом и его убранство), властные и социокультурные возможности и т. д.; рассмотрение неизменных черт и эталонов богатства, поведенческих кодов богача и др. Выявление культурных смыслов богатства в отечественной традиции делает объектом исследования самосознание людей, специфику самоидентификации и идентификации богатых, модели самовыражения. В качестве источниковой базы может стать, например, многовековой багаж народной мудрости, накопленной в пословицах и поговорках. Предлагаемый сдвиг в исследовательских практиках позволит увидеть поступательное движение человечества, в определенном смысле, как функцию богатства.

Ключевые слова: проблема богатства, русский богач, культурный смысл богатства.

WEALTH IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CULTURE: ON THE PROBLEM

Tsvetkova Galina Aleksandrovna, Candidate of Culturology, Docent, Professor of Chair of Humanities, Academy for Retraining in Arts, Culture and Tourism (Moscow, Russian Federation). E-mail: galinatsvet@gmail.com

The article explains the study of the phenomenon of personal material wealth as a cultural problem, the need for the study of Russian culture in order to identify the semantics of personal material wealth, revealing the wealth of cultural meanings in the Russian tradition. The relevance is associated with the change in the scientific paradigm of class-antagonistic dimensions of wealth to the integrative functions, which can be considered a social order for modernization of Russia's development strategies. The author puts forward a research task of updating of the flat, one-dimensional images of poor and rich coexistence as implacable hostility and personal wealth as a source of wealth and social progress. The original position of the traditional understanding the wealth are, on the one hand, the perception of wealth as a primary pillar of the concept of human life, and, on the other hand, the traditional opposite definition of wealth through poverty mapping, which involve not so much proprietary indicators, how many characteristics in general lifestyle and way of thinking. In the context of the issue, a number of questions raises: about the evolution of attitudes about wealth in the 19th century's Russian culture, that have undergone a significant transformation of the dominant for the twenty-first century; on the methods and forms of representation of wealth in different historical periods while maintaining the formal recruitment for all ages, such as effects, property (a house and its interior), power and sociocultural capabilities, etc.; the constant characteristics and standards of wealth, the rich man's codes of behaviour, etc. Identifying the cultural meanings of wealth in the patriotic tradition makes the object of research of consciousness of people a specific self-identification and identification of rich patterns of expression. As a source, the database can become, for example, a centuries-old folk wisdom, baggage accumulated in proverbs and sayings. The proposed shift in research practices will enable you to see the progression of mankind, in a sense, as a function of wealth.

Keywords: problem of wealth, Russian riches, cultural meaning of Russian wealth.

Отношение русских к богатству причисляется, как правило, к числу «загадок русской души», побуждает скорее к размышлению о непостижимых её свойствах, мало располагая к научному поиску формализованных характеристик феномена «русский богач». В таком обозрении проблемное поле личного богатства в русской культуре под общим названием «русский, но богатый», густо исхоженное фольклорно-художественными сюжетами, с утвердившимся образом фатальности русской бедности, духовной предрасположенности к ней, по причине то ли презрения к личному богатству, то ли неспособности быть богатыми, как бесперспективное остается, по существу, практически невозделанным. Между тем, тип русского богача воспроизводится в русской реальности с неизменным постоянством в семантике, ставшей узнаваемым «русским брендом». Так, известный перестроечный феномен «новый русский» содержал указание, прежде всего, на

особенности поведения богача, которое рассматривалось как функция особого отношения к богатству, то есть богач или богатство по-русски.

Цивилизационные процессы всемирной истории теоретическим утверждением культурного фактора главным источником социального развития неумолимо приблизили задачу постижения «роковых вопросов свойства русской натуры» научным инструментарием, затребовав обнаружения внутренних, ментальных резервов социально-экономического развития России, используя которые можно было бы запустить механизм социального благоденствия среди русских [4].

Проблема понимания личного богатства в русской культуре с преодолением доминирования формационного осмысления социально-экономического развития, классово-антагонистической парадигмы отношений, с одной стороны, и, с другой, реальные изменения материальных усло-

вий жизни людей благодаря научно-техническому прогрессу и социальным завоеваниям приобретает новый смысл. Обновления требуют плоские, одномерные образы отношений сосуществования бедных и богатых как непримиримой вражды и возможность личного богатства как источника общественного изобилия и социального прогресса. Идеологическая программа советского государства, искоренявшая понятия бедности и богатства как категорий частной жизни людей, внедряя понятие общественной собственности государства для измерения личного имущественного состояния, укрепляла схематизированные представления о культурных смыслах имущественных отношений в русском социуме. Социально-политические условия и стратегия частной жизни изменились в России, но не преодолены противоречивые стереотипы восприятия богатства, связанные с культурным парадоксом, когда личное богатство рассматривается как зло, но каждый лично и общество в целом неумолимо стремятся к нему, и осознанный добровольный отказ от него остается уделом немногих, святых.

Изучение культуры как смыслополагающей жизнедеятельности с неизменным постоянством упирается в вопрос о богатстве как результате и смысле этой самой жизнедеятельности. Побочным результатом осмысления богатства в парадигме отношений собственности и классового антагонизма стала констатация интегративной функции богатства, его роли стимулятора общественного прогресса [3]. В числе последствий богатства и благоденствия признаются смягчение нравов, создание более высокой морали и культуры, и уменьшение человеческих страданий, развитие знаний.

Тема богатства присутствует в культурной жизни человека, едва ли не сразу после темы смысла жизни. С глубокой древности считалось естественным стремление человека тянуться к удовольствию и избегать страдания, при этом всегда существовало понимание, что плотские наслаждения скоропреходящи. Человек добровольно выбирал свою меру в дилемме чреватой чрезмерности, и в зависимости от этого строил свою жизнедеятельность. В этом смысле категория богатства является мировоззренческой, занимает видное место в структуре целеполагания, поскольку наряду с трудом и собственностью «принадлежит к конститутивным элементам мо-

дели мира в любом обществе» [1]. Богатый человек, усвоив культурные смыслы богатства, будучи субъектом, обладателем богатства пользуется им не свободно, как он полагает, а в соответствии со сложившейся картиной мира, отвечая ожиданиям общества, становясь в определенном смысле заложником своего богатства. В этом смысле богатство обладает свойством воздействовать на человека, побуждая его вписываться в образ богача. Личное имущественное богатство создает особую форму восприятия человека богатого – богача.

Можно предполагать, что этот образ, исторически эволюционируя, имеет генетическую преемственность, сохраняя практически неизменными, не связанными с политическими и культурными переменами, с социальной стратификацией характерные черты поведения богача, смысловым кодом чего является богатство, позиция богача. В богатстве растворяется сама личность, богач воспринимается в зависимости от бытующих образов и представлений, типологически.

Бытование культурного восприятия богача объясняет размытое содержание конструкта «богатство», которое передается не строго формализовано, а через свойства, сопутствующие значения, в целом выражая скорее эмоционально-аффективное отношение к богатству, чем его существенные характеристики.

Представления о богатстве восходят к первичным, сущностным понятиям жизни человека, если судить по многовековому багажу народной мудрости, накопленному в пословицах и поговорках [2]. Оно определяется через «имущество», «имение», понимается как «живот», «жизнь». Это то, что необходимо для жизни человека, следовательно, в определенном смысле, и сама жизнь. Потребность в богатстве как обеспечении жизни подтверждается и этимологией слова, возводящей происхождение его к слову Бог (лат.) – хранимый богами. Также в понятие богатства входит представление о достоянии, достатке, состоянии, достаточности. С богатством связано представление о мере и чрезмерности. Вкладываемые в слово богатство такие смыслы, как множество, обилие, изобилие, избыток, излишество, избыточность определяют в отличие от достатка превышающий «уровень» жизни. Следовательно, богатство может пониматься двойственно, в диапазоне от достаточности до зажиточности, где есть необходимая составляющая жизни мера – достаточность,

и превышающая её чрезмерность – зажиточность. Для определения богатства традиционно используется оппозиция «богатство-бедность», как правило, в крайних измерениях, когда в сопоставлении рождается образ богатства и бедности. Бедность представляется как недостаток, нищета, нужда, убожество, а богатство – пышность, великолепие, роскошь. Представление о богатстве возникает относительно бедности, где и само богатство определено относительно. За этой оппозицией стоят не столько имущественные показатели, сколько характеристики в целом образа жизни и образа мышления.

Эти смыслы обобщают представления о богатстве, сложившиеся в русской культуре к XIX веку. К XXI веку понимание богатства претерпело существенную доминантную трансформацию. Согласно Википедии, богатство определяется как изобилие материальных и нематериальных ценностей, таких как деньги, средства производства, недвижимость или личное имущество. В этом определении запечатлена отчетливая акцентуация в современных представлениях о богатстве и изобилии как главном его показателе, то есть о размере имущества, превосходящем жизненную необходимость, меру оптимума, «нормальной» жизни. В современном социокультурном дискурсе богатство стало сопровождаться понятием «развитый». Так, например, богатые страны называют развитыми. Современная трансформация понятия богатства запечатлена также в социологии, где при условии материального достатка, высоком уровне благосостояния богатым считается человек, который обладает значительными ценностями по отношению к другим членам общества. Богатство выступает здесь как гарантированная жизнь без вынужденного труда, за пределами вынужденного деления общества на богатых и бедных, размывает представление о классовом противостоянии и отсылает к рассмотрению богатства вне социально-имущественных противоречий.

Поведение богачей не остается неизменным. Оно обусловлено такими факторами как социальная принадлежность с её системой воспитания и образом жизни, конкретная историческая ситуация, новейшие веяния культуры, которые задают модели хозяйствования, труда, досуга, образования, быта и т. д. Кроме того, в разные исторические эпохи была разная репрезентация богатства

при сохранении формального набора для всех эпох, такого как вещи, собственность (дом и его убранство), социокультурные возможности. Поэтому интересным становится рассмотрение неизменных черт и эталонов богатства.

Предметом осмысления богатство наиболее часто является для социологии [9]. Классический подход к смыслу этой категории связан с социальным неравенством как противостоянием, борьбой между бедными и богатыми, угнетением, эксплуатацией, классовой борьбой, антагонистическими противоречиями между ними. Смещение интереса к культурным смыслам делает объектом исследования самосознание людей и ставит вопрос о самоидентификации и идентификации богатых, моделях самовыражения. Подобный сдвиг в исследовательских практиках позволил увидеть поступательное движение человечества, в определенном смысле, как функцию богатства. Например, связать сам процесс цивилизации с кругом богатых. Так, исследователи отводят главную роль богатым в утверждении цивилизованных моделей поведения, распространению цивилизованного стиля жизни [7]. Доказывается, что процесс цивилизации осуществляется во многом благодаря желанию и возможности быть богатым или желанию попасть в более высокий социальный круг. Распространение моделей поведения, самоконтроля, управление влечениями и аффектами, то есть того поведения, которое признано цивилизованным, было связано с жизнью богатых. Это редуцирование смысла истории человечества, который в идеальной форме вуалируется идеями духовного совершенствования, достижения цивилизованного уровня жизни людей, освобождения человека и т. д., обнажает реальный двигатель прогресса, обусловленность его всегда материальным благосостоянием. Материальный уровень жизни в понимании людей, дающий возможность свободы, творчества, самосовершенствования, определяется понятием «богатство», выступает как основание лучшей жизни человека. Поэтому богатство в определенном смысле является механизмом культурной динамики. Стереотипное понимание богатства в контексте антагонистической формации, где с богатством связывается жизнь узкого элитарного слоя, свободного от материального производства, достигшего личного благоденствия, видит лишь в логике требования к богачам обратиться

в средство достижения общественного благополучия, как говорится, не только плакать с миром, но и разделить его нищету. Проекцией этого мыслительного штампа можно рассматривать и ту исследовательскую практику, которую отличает взгляд на богатство по стандартам антагонизма, изначальной несправедливости богатства.

Рассмотрение личного материального богатства как феномена русской культуры представляется комплексом проблем разного уровня, среди которых можно выделить этнокультурные стереотипы отношения к личному богатству, инвариантные культурные смыслы, константные понятия. Решение этих проблем связано с реконструкцией образов и моделей частной жизни, где запечатлено развитие понятий о материальном богатстве, и что зафиксировано в текстах разного характера – нормативно-прецедентных документах, художественной литературе, публицистике, эгодокументах и т. д. Реконструктивная задача в свою очередь ставит ещё один круг проблем, связанных с историческими особенностями жизненного уклада русского богача. Среди них такие, как выявление общих характеристик, независимых от

социальной принадлежности обладателя личного богатства; представления русских о богатстве в различные исторические периоды; смыслы богатства и факторы (социокультурные, этнопсихологические), обеспечивающие их преемственность; модели поведения обладателей личного богатства и ряд других.

В русской культуре понятия как богатый, так и бедный имеют множество коннотаций, характеризующих культуру. Со времен Древней Руси образ богача возникает в культуре в сопоставлении с противоположным образом – бедного, но восходит к некому общему представлению о богатстве и бедности, в котором нет их дифференциации. Представление это опирается на евангельскую традицию, где богатый и бедный выступают как модели поведения в земной жизни, путь к спасению. Русский богач – это и производное от русской природы [5; 6]. Противоречивое поведение русского богача требует осмысления как культурный феномен, где могут быть прояснены и черты русской культуры, народа в целом, характеристика самосознания и интегративная функция богача в русской культуре.

Литература

1. Гуревич А. С. Категории средневековой культуры. – М., 1984. – С. 225.
2. Даль В. Пословицы русского народа. – М.: Астрель, 2008. – 735 с.
3. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М.: Москов. шк. полит. исслед., 2002. – 320 с.
4. Культурно-исторический потенциал модернизации: парадоксы российской ментальности: сб. ст. – М.: АПРИКТ, 2012.
5. Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. – М.; Л., 1945.
6. Лосский Н. О. Характер русского народа. – М.: Ключ, 1990. – 96 с.
7. Элиас Н. О. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. – М.; СПб.: Университет. кн., 2001. – Т. 2: Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. – 382 с.
8. Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. 12 писем. 1872–1887. – М., 1956 – С. 180.
9. Ярмишев Мансур З. Бедность и богатство в современном российском обществе: изменения в социальной структуре и их репрезентация в СМИ.: дис. ... канд. социолог. наук. – Казань, 2007.

References

1. Gurevich A.S. Kategorii srednevekovoy kul'tury [Categories of medieval culture]. Moscow, 1984, p. 225. (In Russ.).
2. Dal' V. Poslovitsy russkogo naroda [Sayings of the Russian people]. Moscow, Astrel' Publ., 2008. 735 p. (In Russ.).
3. Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu [Culture is important. How values contribute to social progress]. Ed. L. Harrisona and S. Huntington. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2002. 320 p. (In Russ.).
4. Kul'turno-istoricheskiy potentsial modernizatsii: paradoksy rossiyskoy mental'nosti [Cultural and historical potential of modernization: the paradoxes of Russian mentality]. Moscow, APRIKT Publ., 2012. (In Russ.).
5. Likhachev D.S. Natsional'noe samosoznanie Drevney Rusi [National consciousness of ancient Rus]. Moscow, Leningrad, 1945. (In Russ.).
6. Loskiy N.O. Kharakter russkogo naroda [The character of the Russian people]. Moscow, Klyuch Publ., 1990. 96 p. (In Russ.).

7. Elias N.O. O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya [On the process of civilization. Sotsiogenetic and psychogenetic studies]. Moscow, Sankt-Petersburg. Universitetskaya kniga Publ., 2001, vol. 2: Izmeneniya v obshchestve. Proekt teorii tsivilizatsii [Changes in society. Draft theory of civilization]. 382 p. (In Russ.).
8. Engel'gardt A.N. Pis'ma iz derevni. 12 pisem. 1872–1887 [Letters from the village. 12 letters. 1872–1887]. Moscow, 1956. p. 180. (In Russ.).
9. Yarmishev Mansur Z. Bogatstvo i bednost' v sovremennom rossiyskom obshchestve: izmeneniya v sotsial'noy strukture i ikh reprezentatsiya v SMI. Dis. kand. sotsiolog. nauk. [Wealth and Poverty in modern Russian society: changes in the social structure and their representation in the media. Diss. sociol. sci.]. Kazan, 2007. (In Russ.).